

Татьяна Николаева, В. Ефимова

**Вербальная и невербальная
опоры пространства
межфразовых связей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Т23

Т23 **Татьяна Николаева**
Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей / Татьяна Николаева, В. Ефимова – М.: Книга по Требованию, 2026. – 253 с.

ISBN 5-94457-177-2

Авторы коллективной монографии обращаются к как будто бы давно решенным вопросам о типах связи внутри сложного предложения. Новые данные получены благодаря изучению таких "коннекторов", как частицы, интонация бессоюзия, порядок слов, выделение темы и ремы и т. д. Определенные правила выявились при различении хотя и хоть, привычно считающихся вариантами.

Особое место в книге занимает выявление "скрытой семантики" русского местоимения Я, которое, как оказалось, ведет исследователя в далекие индоевропейские глубины, к сложной составной конструкции, которая и определяет употребление/неупотребление Я в русском языке, сохранившем эту скрытую категорию.

ISBN 5-94457-177-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография, по замыслу ее авторов, вполне соответствует той исследовательской работе — иногда совместной, иногда индивидуальной, но всегда в рамках общего и всем интересного российско-французского проекта, — которую мы ведем в течение почти десяти лет. За эти годы нами опубликовано много статей, проведено несколько «круглых столов», однако именно в этой книге мы хотим обобщить, интерпретировать и сложить вместе все полученные нами данные.

Итак, все эти исследования обращены, как мы считаем, к лингвистике нового этапа — не к той лингвистике, которая описывается и описывает в терминологии «можно/нельзя», а к той, которая при первоначальной кажущейся свободе в выборе того или иного варианта, в употреблении той или иной категориальной формы, позволяет, при пристальном внимании лингвиста-исследователя, разглядеть не описанные ранее категориальные разграничения. Эти категориальные отличия могут быть продуктом нового времени, формироваться сейчас. Они могут также быть отпечатком, «следом» былых, почти нейтрализованных, оппозиций. Тогда они связаны с тем, что предлагается назвать «скрытой памятью» языка.

Что же такое «скрытая память» языка? Как можно предположить, она существует в нескольких видах.

Первый ее вид можно надлюдовать в тех случаях, когда в языковом употреблении сосуществуют два как будто бы свободно заменяющихся в коммуникации варианта: лексемы, грамматические формы, синтаксические модели и т. д., и при этом носитель языка не может ответить на вопрос, чем они различаются в употреблении. Не может на него ответить и лингвист-кодификатор (в описании языка

представлены лишь пометы вроде *вариант, разг.* и под). И только исследование большого массива данных позволяет выявить интерпретацию их различия, существующую в виде «тенденции», а не грамматикализованной обязательной модели. Эта интерпретация ведет к диахроническим феноменам, иногда очень глубоким по хронологии.

Таким образом, в исследование вводится и фигура лингвиста-синхрониста, который не знает пока об этих «скрытых» тенденциях, вводится и то понимание, что наблюдаемые тенденции не сообщаются студентам-филологам, аспирантам, проще говоря — не являются на сегодняшний день фактами обыденного научного знания. В психолингвистике как особой области языкознания уже давно активно фигурирует личность носителя языка. Введение в интерпретацию также и лингвиста представляется в настоящее время тоже концептуально оправданным. Таким образом, в анализ языковых фактов можно ввести еще один компонент: это данные лингвистики же, то есть показания-описания самих лингвистов. Правда, ситуация может оказаться сложной, когда некие факты знает историк языка, но никак не соотносит с современным состоянием, не видя в нем рефлексов прошлого, и наоборот. Естественно, что когда «скрытая память» языка оказывается «раскрытой», она тоже становится фактом обыденного научного знания.

Диагностическим для «скрытой памяти» первого типа феноменом может быть признана «наивная» (в буквальном смысле) реакция носителя языка (и даже филолога) в таком духе, что «можно сказать ведь и так, и так» или «а если вместо В сказать А, то ведь тоже будет правильно» и т. д.

Существует и второй тип «скрытой памяти». Когда, например, категориальные формы одной и той же лексемы может различать некий формант, который не воспринимается и не описывается в грамматиках как носитель какого-то самостоятельного значения. Между тем обращение к диахронии показывает, что именно этот формант предопределяет отмеченные различия данных категориальных форм.

Тип третий «скрытой памяти» — это когда для синхронного состояния предполагается, что все языковые воплощения одной и той же единицы языка, лексемы например, определяются ее современным обликом. Переход к иному виду ее манифестации, воплощению на другом языковом уровне или в облике близкого по родству языка, неожиданно показывает, что в этой единице таится образ предшествующего «далекого периода».

Попытки подобного «разграничения» так называемых «свободных вариантов» предпринимались в основном в лексикологии.

Итак, наша работа посвящена неявным для предшествующего описания категориям синтаксиса. Более конкретно, тем семантическим соединительным нитям, или пучку этих нитей, которые связывают в единое высказывание части сложного предложения.

В языкознании синтаксические возможности соединения простых предложений в одно сложное как будто общеизвестны. Это бессоюзное примыкание, интонационная связь, связь через «дискурсивные показатели», связь через союзы. В нашей книге рассматриваются языковые структуры «на грани» этих простых квалификаций. Так, бессоюзная связь, как выясняется, передает целый пучок отношений, меняющихся при изменении интонации и/или порядка слов. Существует также целая пограничная зона между сочинением и подчинением, хранящая в себе еще комплексность бессоюзия. При этом, как оказалось, привычные «полусоюзы» *хотя* и *хоть*, в грамматиках часто объявляемые вариантами, обладают довольно явно просвечивающим при внимательном анализе категориальным различием.

Достаточно сложная и плохо дифференцируемая по «частям речи» зона лежит и между соединением через междометия и через частицы и союзной связью. Здесь происходит и смыкание-разъединение диалектов и литературного языка.

Наконец, сам факт употребления/неупотребления личного местоимения первого лица единственного числа, то есть русского *я*, обычно никогда не рассматривавшийся в

связи с объединением фрагментов речевой цепочки в одно целое, тоже является показателем семантики связи высказываний в тексте, компонентом, нагруженным своим собственным, ранее не описанным в лингвистике значением. Значение это восходит к древнейшим средствам актуализации сообщаемого.

Оказалось, по нашим данным, что даже наиболее грамматикализованные форманты, связующие части сложного предложения, — союзы также соотносятся с древнейшими показателями, актуализаторами и коннекторами: партикулами.

Таким образом, эта книга связывает теорию с экспериментом, диалектные данные с литературным языком, а синхронию — с диахронией.

Более ранние «пробы пера» нашего авторского коллектива опубликованы в сборниках «Славянские сочинительные союзы» (М., 1997) и «Межфразовые связи: кодирование и декодирование» (М., 2000), а также в следующих статьях: *Fougeron I. A et No, deux conjonctions synonymes? // Les particules énonciatives en russe contemporain. Paris, 1987. V. 3; Fougeron I. Prosodie et organisation du message // Collection linguistique. V. 76. Paris; Klincksieck, 1989; Fougeron I. A et les rapports interphrastiques en russe contemporain // Revue des Études slaves. T. LXII. Fasc. 1/2. Paris, 1990; Fougeron I. Variations sur un thème // Actes du XII Congrès des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991. V. 3; Fougeron I. Retour sur les conjonctions adversatives A et No en russe // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. XC. Fasc. 1. Paris, 1995; Николаева Т. М. А мы швейцару: «Отворите двери!» (В развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексемы) // Облик слова. М., 1997; Фужерон И. Между сочинением и подчинением: хотя в современном русском языке // Доклад на XVII Международном лингвистическом конгрессе 20–25 июня 1997 г. Париж, 1997; Фужерон И. Не заблудиться бы в трех хотя // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. № 3; Николаева Т. М. Хотя и хоть в исторической*

перспективе // Славянские этюды. М., 1999; Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые соображения по поводу категории уступительности // Вопросы языкознания. 1999. № 1; Фужерон И., Брейяр Ж. Когда я нужно // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. № 4; Fougeron I. La coordination et ses opérateurs en russe moderne // Études de linguistique générale et contrastive. Hommage à Jean Perrot. Paris, 2001; Ефимова В. С. Местоимение первого лица в древнейших славянских текстах // Славяноведение. 2002. № 4; Брейяр Ж., Николаева Т., Фужерон И. Наличие/отсутствие личного местоимения — функциональная категория русского языка (в печати); Николаева Т. М. Многомерность интонационного пространства и ограниченность его отображения // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3); Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: постановка проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4.

ЧАСТЬ I

СОЮЗЫ И МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ

ГЛАВА I

СОЮЗЫ И СОЮЗНАЯ СВЯЗЬ

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ *и, но, и*: ИСТОРИЯ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Несмотря на довольно значительную литературу, посвященную этим трем русским сочинительным союзам, потребность обращаться к их «функциональной» разгадке возникает вновь и вновь — очевидно потому, что привычные для семантика-лексиколога методы и решения здесь оказываются неприменимы, хотя они должны быть применимы, ибо этого требует наша речь как наша сущность. Говоря более просто, вопросы предстают следующие:

1) можем ли мы говорить о полном несовпадении функциональной семантики этих союзов?

2) можем ли мы, напротив, говорить о полной функциональной взаимозаменяемости этих союзов?

3) можем ли мы говорить о каких-то частичных зонах их функционального пересечения?

4) в этом последнем случае идет ли речь о полной синонимической замене или только об отсутствии нарушения смысла при замене?

5) накладываются ли на сферы употребления этих союзов различия стилистические или, скажем иначе, различия разных речевых традиций?

6) различается ли интонация предложений с этими союзами и сохраняется ли это различие при возможном функциональном сближении этих союзов?

7) как влияет на указанные сходства/различия дополнительный компонент (компоненты) местоименного или партикульного характера типа *то, зато, ведь, вот* и под.?²

8) как отделить то, что приносят эти компоненты, от функциональной семантики союза?²

9) какова роль порядка слов и тема-рематического членения в выявленных сходствах и различиях?²

10) влияет ли на функционирование этих союзов графика, то есть: располагаются ли они после точки или после «внутреннего» знака? или (если перевернуть вопрос) в каких случаях пишущий ставит точку или даже знак абзаца, а в каких запятую?²

11) как быть — а именно эта задача встала перед нами — если в другом языке этим трем союзам функционально соответствует другое число единиц (например, два союза или четыре)?²

12) как быть, если окажутся непереводаемыми не единицы языков, а метаединицы лингвистического описания (об этом будет сказано ниже в связи с русским словом *сопоставление*).

Постараемся постепенно и по мере возможности репрезентировать свои точки зрения по каждому из указанных выше вопросов.

I. Индоевропейская предыстория союзов *а, и, но*

1. Анализ функционирования русских (и славянских) сочинительных союзов и обращение к этимологическим разысканиям, им посвященным, как и ответ на вопрос, что же представляет собой русское *Я* в диахронической перспективе (глава четвертая), оказывается поверхностным (или просто нецелесообразным) без введения в оборот некоторого пласта языка, формируемого минимальными единицами, которые в дальнейшем будут называться *партикулами*. Поэтому остановимся на них более подробно.

Таксономически партикулы обычно связаны с так называемыми «дискурсивными словами»; однако отнюдь не все дискурсивные слова соотносятся с набором партикул.

Так, например, авторы статей в сборнике «Дискурсивные слова русского языка» [Дискурсивные 1998] включают в их число такие слова, как *по меньшей мере, наоборот, еще раз, впрочем* и др., которые не состоят из партикул; но в этом же списке находятся и слова из партикулярного фонда: *только* < *to+li+ko*, *дай* < *да+и*, *не+у+же+ли*, *не+бо+сь* и под.

Подобные партикулы в грамматиках предлагают отнести к категории «незнаменательных слов», но и тут область незнаменательных слов пересекается с областью партикулярного фонда лишь частично, поскольку в этот класс входят и предлоги. Предваряя дальнейшие рассуждения, скажем заранее, что объединять партикулы и предлоги, как это часто делают, теоретически и информационно бессмысленно, так как партикулы относятся, как было сказано, к «коммуникативному фонду», а предлоги — к денотативной стороне сообщения. Предлог помогает описывать конкретный кусочек действительности, а партикулы, как и дискурсивные слова, «не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения непредметны, поэтому их можно изучать только через их употребление» [Дискурсивные 1998: 8].

Значительное число партикулярных образований входит в разряды местоимений и частиц. И здесь, однако, мы можем найти исключения и в довольно большом числе. В частности, не из партикул состоят [кто]-*нибудь, пусть, пускай, нехай, ведь*.

Например в составе «Словника частиц», представленном в «Словаре русских частиц» Э. Шимчук и М. Щур [Шимчук — Щур 1999: 24], мы находим частицы, не входящие к партикулярному фонду: *буквально, вправду, впрямь, вообще, исключительно, попросту* и т. д. Наконец, первичные (примарные, то есть одиночные) партикулы часто выступают в роли союзов. Исключений достаточно и тут. Например, это союз *хотя*. И класс междометий тоже включает в себя значительное число партикул. И тоже не совпадает с ним. Например, *Ах!, Ох!, Увы!* И т. д.

Наконец, предельно простая фонетическая структура таких примарных партикул: а они состоят, как правило, либо из одного гласного (V), либо из комплекса: консон-

нант + вокал (CV), может привести к мысли о их соответствии слогам языка. Именно моносиллабичность подобных элементов считает их основным признаком М. Фрид [Fried 1999: 43]. Но и это неверно, так как существуют слоги, не имеющие аналога среди фонда партикул, однако знаменательные слова распадаются на них легко.

А между тем в пределах славянского континуума большинство партикул и/или их комплексов совпадает либо полностью, либо легко пересчитывается друг в друга по правилам исторической или типологической фонетики. Они могут различаться функционально. Они могут различаться по степени принадлежности к языку литературному, к диалекту, к языку жаргонному. Графически они могут быть контактными в одном языке и дистантными — в другом. Однако несомненно то, что внутри славянского языкового континуума (с возможным выходом в более глубокие индоевропейские общности, как мы постараемся показать далее) существует практически единый набор простейших партикул и довольно единообразно работающий «порождающий конструктор», создающий из них комплексы. Несомненно и то, что отрицать существование этого фонда уже невозможно.

Несомненно также, что на каком-то этапе развития славянских языков этот «порождающий конструктор» перестает функционировать, и в той зоне, где раньше были партикулы и их комплексы, появляются «застывшие» формы знаменательных слов, то есть не происходящих из партикул. Причины остановки работы порождающего конструктора пока остаются неясными, так как неиспользованных возможностей порождения остается очень много.

Очевидно также, что лингвистика в течение долгого времени просто избегала всерьез принимать этот партикулярный фонд и, как было показано выше, как бы «замешивала» партикулы в подходящие к ним по функции или по так называемой «частеречной принадлежности» классы слов не только партикулярного происхождения.

Ясно, что вопрос о возникновении таких партикул и их первичной семантике связан с еще недавно запретной темой о происхождении языка вообще и о его эволюции.